

Анна SunRise

A woman with long dark hair, wearing a heavily distressed and bloody black leather crop top and matching pants with chains, stands in the center. She has visible blood on her face and chest. She is flanked by two men in black t-shirts. The man on the left has a bloody forehead and a clenched fist. The man on the right has a serious expression. They are in a dark, industrial environment with concrete blocks and a single light source in the background.

Цена доброты в
жестоким мире

Анна SunRise

Цена доброты в жестоком мире

«Автор»

2026

SunRise A.

Цена доброты в жестоком мире / А. SunRise — «Автор», 2026

*Как остаться человеком после буллинга, ухода отца и потерь*В жизни каждого из нас могут случиться тяжёлые события: буллинг, уход отца, потери. Важно помнить, что жизнь может быть жестокой, и не всегда стоит слепо верить людям. Да, есть добрые люди, но чаще встречаются те, кто может причинить боль. Если с вами произошло что-то плохое, не бойтесь говорить об этом. Замалчивание может привести к серьёзным проблемам с психикой. Потери в жизни неизбежны, но важно не терять надежду и двигаться вперёд. Боль, которую мы не можем отпустить, может преследовать нас всю жизнь. Но важно помнить, что справедливость должна быть восстановлена. Виновные должны понести наказание. Если мы прощаем обидчика и не отправляем его под суд, мы оставляем его безнаказанным. А он, возможно, будет жить припеваючи и рассказывать о своих «подвигах». Поэтому не оставляйте безнаказанными тех, кто не раскается в своих поступках. Только так мы сможем защитить себя и других от несправедливости. Хештеги: #SunRise

© SunRise A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна SunRise

Цена доброты в жестоком мире

Глава 1

«Мир до трещины»

У меня не было отца, но у меня был дедушка. Настоящий, живой, тёплый. Тот, кого я могла обнять, когда было страшно, и рассмешить, когда он притворился строгим.

Он приезжал каждую пятницу — это был мой любимый день недели. Я ждала его с самого утра: выглядывала в окно, прислушивалась к звуку машины, а когда видела его силуэт — бежала навстречу, не дожидаясь, пока он откроет дверь подъезда.

Дедушка был предпринимателем до мозга костей. В нашей родной деревне у него был свой магазин — он сам управлял им, следил за порядком и знал каждого покупателя по имени. Магазин этот он с огромной любовью назвал в мою честь — «Анюта». Дедушка даже заказал специальную вывеску: на нежно-розовом фоне была нарисована рыжая девочка с веснушками, очень похожая на меня в детстве. Но его энергия не знала границ. Позже, вместе с друзьями и моим дядей, дедушка начал строить что-то совершенно новое — уже в городе. Мы возводили не просто здание, а целый комплекс: просторный магазин, дом для семьи, летнюю кухню с настоящей русской баней. Это было воплощение нашей общей мечты, в которую он вкладывал всю свою душу.

Дядя тоже стал индивидуальным предпринимателем — дедушка научил его всему, что знал сам. Я гордилась ими обоими. Смотрела, как они обсуждают планы, считают что-то на бумажках, спорят, а потом смеются. И чувствовала: пока они рядом, всё будет хорошо.

Так было, пока я ходила в садик, а потом — в начальные классы школы. Это было время без тревог. Время, когда я знала:

° Если что-то случится — дедушка придумает, как исправить;

° Если будет страшно — он возьмёт за руку и скажет: «Не бойся, я здесь».

° Если я захочу научиться чему-то новому — он покажет, как это сделать.

Это было время, когда доброта казалась естественной частью мира. Потому что она шла от него — от человека, который был для меня всем.

Дедушка не просто приезжал — он устраивал для меня маленькие праздники. Каждую субботу мы отправлялись в город, и неважно, что у него были дела: закупка товара, встречи с партнёрами, проверки магазинов. Он всегда находил время для чего-то волшебного.

Сначала — обязательные дела. Я сидела в машине и смотрела, как он загружает коробки, проверяет накладные. А потом наступало самое интересное:

° Бухата. Мы шли к воде, собирали ракушки, кидали камушки в воду.

° Батут у «Детского мира». Он разрешал позвать подружек, и мы прыгали до головокружения, а он стоял внизу и смеялся вместе с нами.

° Озерки и бассейн. Когда я была маленькой, мы часто ездили купаться. Мне было года три. Дедушка держал меня на руках в воде, учил не бояться глубины, а после — заворачивал в большое полотенце и давал мороженое.

Однажды он привёз огромную песочницу и установил её прямо возле нашего многоквартирного дома. Эта песочница стала центром притяжения для всего двора.

А ещё были новогодние чудеса. Каждый год дедушка привозил ёлку, коробку с игрушками и мишурой. Мы с друзьями украшали её на площадке напротив дома — он помогал нам развешивать игрушки. В эти моменты я чувствовала себя частью чего-то большого и доброго.

Даже в садике я ощущала его поддержку. Бывало, разобью таз с кружками — колени дрожали от страха, что сейчас будут ругать. Или случайно попаду мячом в лампу дневного света в спортивном зале. Но директор садика только качала головой и говорила:

- Ничего, не переживай. Мы не будем ничего говорить — дедушка и так помогает нам.
- Я поняла, спасибо!

Я знала: пока он рядом, всё будет хорошо. Его доброта была не просто словом — она проявлялась в делах, в готовности делиться временем, силами, радостью. И я училась у него этому: что можно делать мир чуть светлее, даже если у тебя полно своих забот.

А ещё в осознанном возрасте приходит горькое понимание: деньги решают всё. Чтобы выжить в этом мире, мне нужно было быть не просто девочкой из хорошей семьи, а настоящей хулиганкой. Ведь именно из таких детей — богатых и своенравных — обычно и вырастают бунтари с платиновой картой, для которых закон не писан.

Я не знала тогда, что эти субботы не навсегда. Что однажды серебристо-жёлтый Nissan Atlas моего дедушки не подъедет к дому в привычное время, а в календаре не останется отмеченных красным пятниц и суббот. Но я точно знала одно: пока он рядом, я в безопасности. И этого чувства мне будет не хватать больше всего

Глава 2

«Когда рядом нет дедушки»

Дедушка приезжал в пятницу вечером, и дом сразу наполнялся теплом. В субботу мы отправлялись в город.

°батут у "Детского мира"

°бухта с ракушками.

Мороженое после бассейна.

Дедушка умел превратить обычный день в приключение.

А в воскресенье он уезжал. И мир снова становился другим — тихим, будничным, будто кто-то приглушил звук.

Мама не гуляла со мной. Когда я подходила и говорила: «Пошли погуляем?», она отвечала коротко: «Денег нет». И я шла на площадку с друзьями — прыгать через скакалку, качаться на качелях, строить домики из песка. А мама в это время либо спала, либо стояла у плиты.

Однажды она приготовила плов — ароматный, золотистый. Но я почувяла запах зиры и сморщила нос.

- не хочу, - сказала я.

- Не хочешь — не ешь, - отрезала мама. - Другие дети и такому рады.

Я села за стол, ковыряя вилкой рис. Хотелось сказать: «А можно без зиры?» Но знала — это прозвучит как каприз. Лучше промолчать.

В редкие выходные, когда дедушка уже уехал, а мама была дома, я забиралась с ногами на диван и смотрела на её книжные полки, заставленные «Санто-Барбарой» и, кажется, «Коменской».

В будни всё шло по расписанию:

°Садик — меня забирали либо няни, либо мой дядя.

°Школа — после уроков мы с подружками шли к ним домой, там мы делали письменные задания, учили стихотворения, шептались о чём-то своём, кушали печенье, которое пекла их мама, а те пельмени с сюрпризом — ммм.

Я не обижалась. Просто привыкла, что забота — это не всегда мама. Это тётя Ира, которая так вкусно готовила. Это дядя, который забирал меня, и мы ходили гулять, а потом играли с ним в компьютерные игры и смотрели фильмы.

Иногда, глядя, как другие дети держатся за мамину руку, я думала: «А если бы она хоть раз взяла меня за руку и повела гулять. Просто так, без денег, без повода...?»

И тогда я вспомнила дедушку — как он смеялся, когда мы ездили в город. И мне становилось чуть легче. Будто его тепло оставалось со мной, даже когда он уезжал.

Дедушка никогда не ругал меня за те самые «косяки», из-за которых мама сердилась.

Однажды я загулялась с друзьями до темноты. Мама уже металась по дому, кричала. А дедушка просто надел куртку и вышел на улицу. Он не кричал, не угрожал — он знал, где меня найти.

Я увидела его издали: он стоял у качелей, смотрел, как мы с ребятами играем в прятки при свете фонаря. Подошёл спокойно улыбнулся:

- Ну что, маленькая исследовательница, пора домой?
- Ты не будешь ругаться?

- за что?
- не знаю.

Дедушка взъерошил мне волосы.

— За то, что тебе весело? Нет. Но мама волнуется. Пойдём?
- Пойдём, дедуль.

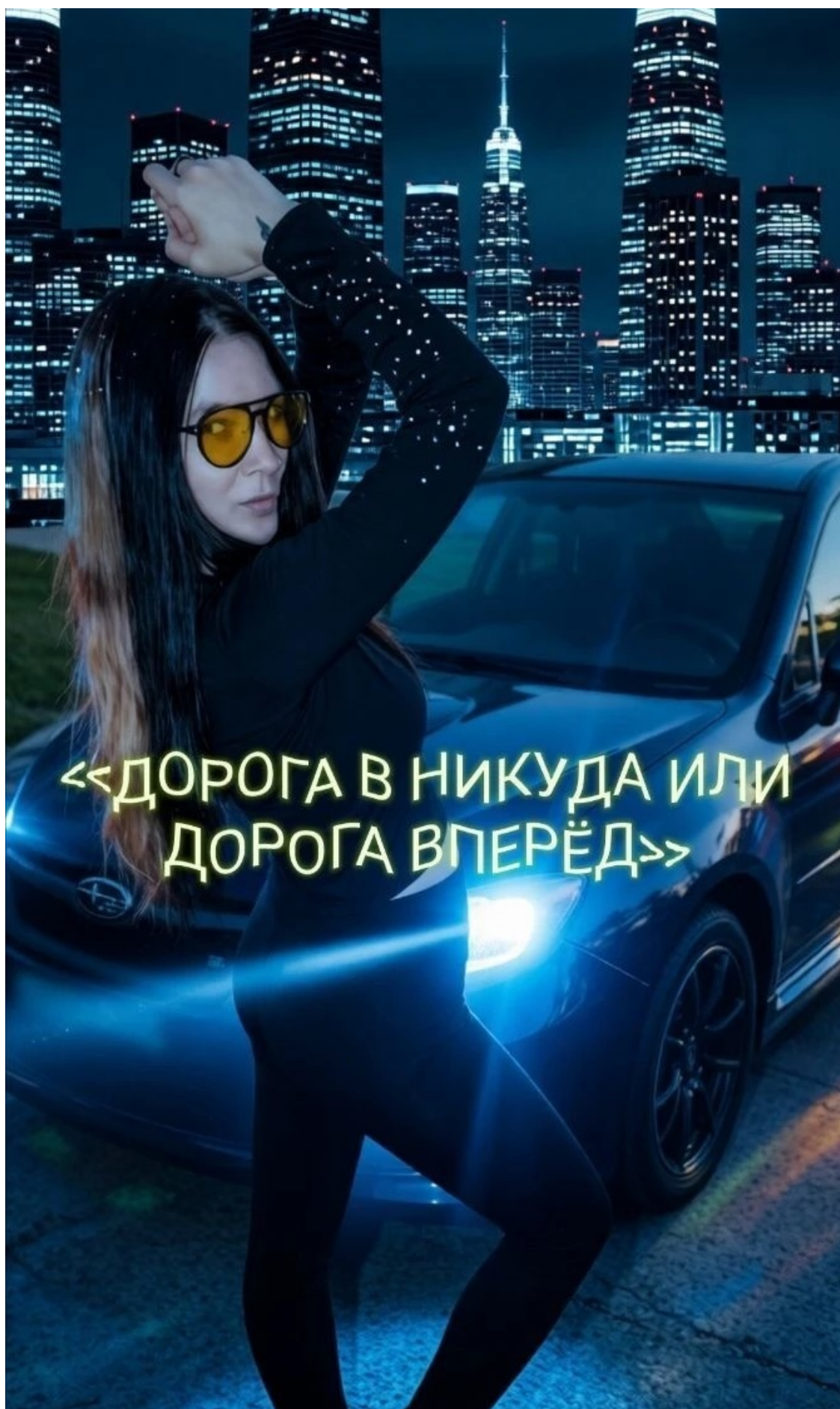
Именно тогда я поняла разницу: мама видела в моих поступках вину, а дедушка — причину.

И я знала: даже если мама рассердится, дедушка всё равно будет на моей стороне. Он не оправдывал проступки, но всегда давал понять: «Я тебя люблю. Ты хорошая. Просто иногда ошибаешься».

Это было самое важное: в мире, где одни видели во мне проблему, другой видел человека. И благодаря дедушке я училась видеть человека в себе.

Глава 3

<<Дорога в никуда или дорога вперёд>>

Я была маленькой, когда меня ждал неожиданный поворот, который перевернул мою маленькую жизнь.

Тот день начинался как самый обычный — будто кто-то специально замаскировал его под спокойный, чтобы удар получился сильнее.

Когда утром я собиралась в школу, всё шло как обычно: рюкзак собран, кроссовки зашнурованы. После уроков меня ждал хип-хоп — я так ждала эту тренировку, что даже двойка по математике не могла испортить настроение: на танцполе я становилась другой — смелой, свободной, будто все чужие взгляды и колкие слова просто стекали с меня, как вода.

Мама с утра сказала строго:

- После школы сразу домой. Ни на пять минут никуда, поняла?!
- Поняла!

Я насторожилась — в её голосе было что-то такое, от чего внутри ёкало, но я, как послушный ребёнок, только кивнула. В голове крутилось: может, сюрприз? Может, купили что-то, о чём я давно просила?

Я шла из школы привычной дорогой, поглядывая на часы: если бы не мамин запрет, я бы забежала к подружке, но я шла прямо домой, ускоряя шаг, будто, если приду быстрее, то эта непонятная тревога рассеется сама собой.

Ключ повернулся в замке, дверь открылась, и я шагнула в прихожую, ожидая увидеть маму у плиты, услышать «Раздевайся, сейчас суп налью», но, подняв глаза, я обомлела. В углу, рядом с вешалкой, стояла бабушка. Та самая, которая должна была быть сейчас с дедушкой в деревне, где у них магазин. Её место было там, в том спокойном, далёком мире, где ничего не рухнет за один день. А она стояла здесь, в прихожей, бледная, с крепко сжатыми губами, и смотрела на меня так, будто боялась, что я рассыплюсь от одного её взгляда.

Рядом был дядя, мама и её подруга тётя Таня — все будто сбились в одну напряжённую группу, как люди, которые держатся вместе, потому что поодиночке страшно.

Я не могла выговорить ни слова. Ноги будто налились свинцом, и я просто стояла, переводя взгляд с одного лица на другое, надеясь, что кто-нибудь сейчас рассмеётся и скажет: «Ну что ты, мы просто вещи перевезли, шутка такая». Но никто не смеялся.

Дрожащими пальцами я стянула куртку, повесила её на крючок, который вдруг показался мне чужим, и прошла на кухню. Там, прямо посередине стола, лежала записка. Обычная тетрадная страница, сложенная вдвое, но от неё веяло чем-то окончательным, как от билета в один конец.

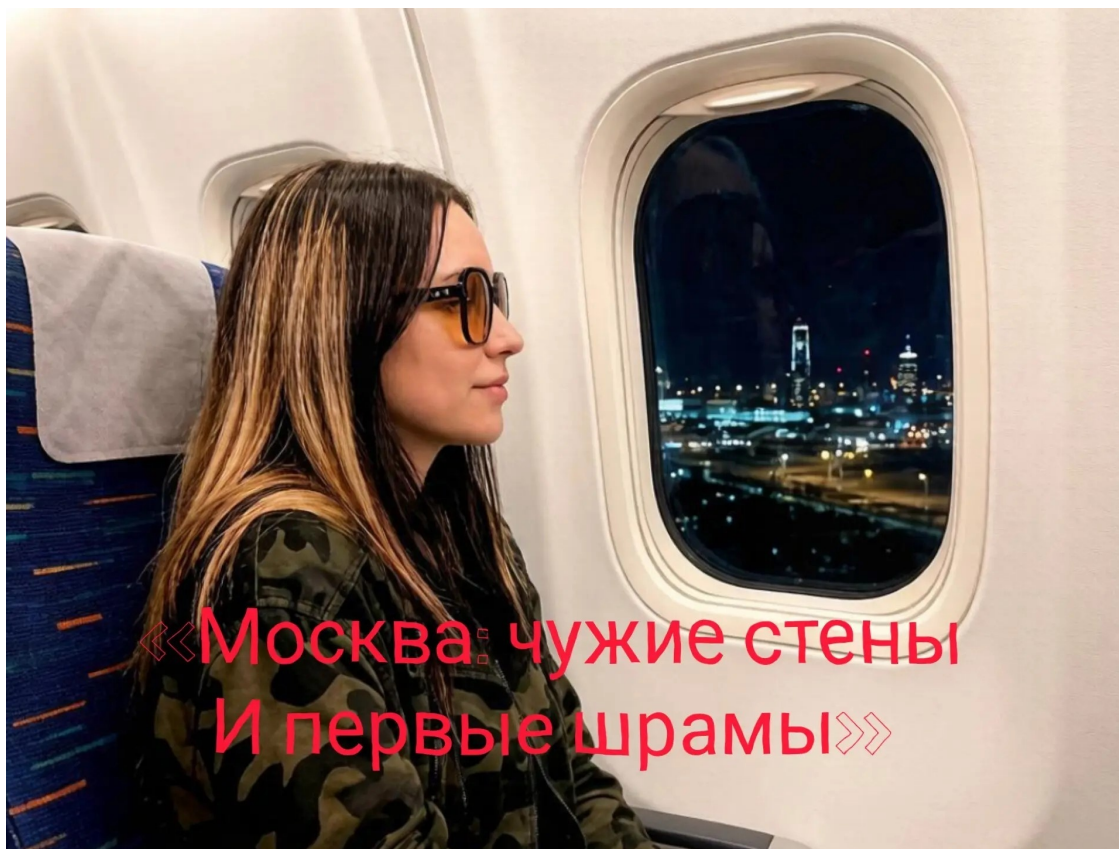
Я подошла ближе, пальцы скользнули по бумаге, и я развернула её. Буквы прыгали перед глазами, но смысл пробивался сквозь слёзы, острый и безжалостный: «Папа, мы улетаем навсегда. Нас не ищи».

Меня кинуло в дрожь. Мир, который ещё час назад был нормальным — школа, рюкзак, мысли о том, что после всего этого я наконец пойду на хип-хоп, где пол будет вибрировать от басов, а я смогу просто двигаться, забывая обо всём, — вдруг треснул по швам, и за одну минуту в голове пронеслась вся моя жизнь. Друзья, бабушка, школа, кружки... Что теперь будет со всем этим?

А потом мы уже мчались в аэропорт. В машине никто почти не говорил, только шуршали пакеты да тикали секунды. И там, среди гула объявлений и чужих чемоданов, я узнала: мы летим в Москву. У мамы там, как оказалось, был молодой человек — о нём она мне никогда не рассказывала.

Я смотрела в окно на удаляющийся город и пыталась удержать в памяти каждую мелочь: наш подъезд, лавку у дома, будто, если запомню всё до последней детали, смогу потом собрать из этого свой прежний мир. Но он уже ускользал, рассыпался, как песок сквозь пальцы.

Глава 4

"Москва: чужие стены и первые шрамы"

Ещё в самолёте мама показывала мне фотографии своего ухажёра и всё повторяла: «Он хороший, правда, ты увидишь». В её глазах светилась такая надежда, что мне даже неловко было хмуриться, и я кивала, будто и правда верила. А сама смотрела в иллюминатор на огни Москвы, которые тянулись внизу бесконечными нитками света, и чувствовала, как внутри всё сжимается от непонятного страха — будто этот город заранее не хотел меня принимать.

Мы заселились в гостиницу — тесную, пахнущую чужим бытом, с жёсткими подушками и скрипучей кроватью; я лежала и слушала, как за стеной кто-то ходит, и думала, что даже стены здесь чужие. На следующее утро мы поехали смотреть однокомнатную квартиру в девятиэтажном доме: маленькая кухня, окно во двор, лифт, который вздыхал на каждом этаже, — и мама радостно говорила, что это наш новый старт, будто сама эта «однушка» могла всё исправить.

Однажды вечером мы пошли в магазин вместе с маминым ухажёром. Он шагал так быстро, будто хотел убежать от нас, а мы с мамой едва успевали, переходя с шага на лёгкий бег. Его молчание и эта спешка пугали куда сильнее любых слов: я не понимала, что сделала не так, почему он даже не оборачивается, будто нас и нет рядом.

Единственным светлым пятном в этой неловкости оказалось то, что его мама работала директором школы, в которую мне предстояло пойти. Я цеплялась за эту мысль, как за маленький шанс: если директор — родственница, может, там будет хоть чуточку проще, хоть кто-то будет на моей стороне.

И поначалу школа действительно не казалась совсем уж враждебной: я познакомилась с девочкой по имени Татьяна. Она с такой готовностью предложила провожать меня домой — ведь я совсем не знала дороги, — что от её простоты становилось чуть теплее на душе.

Правда, порядки в школе были строгие: стоило забыть дневник — и тебя тут же отправляли обратно. А темнело в те дни быстро, кажется, уже часа в четыре небо становилось тёмно-серым, и дорога домой в сумерках казалась особенно длинной. Но рядом была Татьяна, и пока она шла рядом, рассказывая про учителей и про то, где лучше не задерживаться после уроков, я почти не замечала холода и чужих окон, горящих в домах.

На уроке литературы нам задали выучить наизусть стихотворение Сергея Есенина на выбор. В тот момент я как раз смотрела какой-то фильм на DVD, и у меня была привычка подражать талантливым людям — я будто примеряла на себя их голос, их интонацию, и это помогало мне почувствовать себя смелее. Дрожа от страха, я всё-таки решилась и рассказала «Исповедь хулигана». Алина Сергеевна, наша учительница литературы, посмотрела на меня с таким восхищением, что в классе стало тихо. Она встала и сказала: «Смотрите, ребята, вот так нужно учиться!» И хоть в журнал нельзя было поставить три плюса, в дневнике у меня появилась пятёрка с тремя плюсами.

И именно с этого момента всё изменилось. Девочки в классе, включая Таню, которая ещё вчера так охотно провожала меня домой, будто вдруг увидели во мне что-то неправильное — то ли зависть кольнула, то ли им стало стыдно, что сами не решились. Теперь в коридорах звучал уже не просто шёпот, а прямые колкости, а в их взглядах не осталось ни капли прежней доброты. Оказалось, что один редкий момент признания может не спасти, а, наоборот, сделать тебя заметнее для чужой жестокости.

В тот вечер, когда я пришла из школы, дома было почти уютно: мама с мужчиной сидели за столом, тихо разговаривали и пили чай, а на плите доходили большие макароны с языком. Пахло так вкусно, что на секунду показалось: может, у нас всё-таки получится стать нормальной семьёй. Я села делать уроки, стараясь не мешать, но вдруг услышала голос девушки из телефонного разговора — он доносился так чётко, будто она стояла совсем рядом. И тут до меня дошло: она и правда была рядом. Она стояла в падики и, видимо, следила за ним.

Когда мама с тем мужчиной вышли в прихожую, я тихо сказала: «Девушка, с которой вы сейчас говорили по телефону, стоит прямо за дверью. Я её слышала». Не знаю, поверили ли они мне сразу или решили просто проверить. Но когда открыли дверь, на пороге действительно стояла она — и рядом с ней ребёнок. Тайна несостоявшегося отчима раскрылась не в каком-то драматичном признании, а вот так, буднично и холодно, прямо в нашей прихожей.

Мы пробыли в Москве недолго — не потому, что город был плохим, а потому, что он слишком громко напоминал, как легко рушатся чужие надежды и как тяжело нести эту тяжесть, когда ты и так еле стоишь на ногах.

После этого мужчина всеми силами пытался вернуть маму: звонил, приезжал, говорил, что всё объяснит, что это недоразумение. Дошло до того, что нам даже не хотели отдавать документы — будто если задержать нас хоть на день, всё как-то само собой исправится. А в школе тем временем всё перевернулось с ног на голову: ребята, которые ещё недавно отворачивались, вдруг стали ко мне добры. Мальчишки, с которыми я подружилась с первых дней, совсем не хотели, чтобы я улетала. Они подходили, обещали писать, просили номер телефона, а кто-то даже сунул в рюкзак записку: «Ты нормальная, не забывай». И от этой простой фразы становилось теплее, будто в этом городе всё-таки осталось что-то хорошее.

А потом случилось то, чего я совсем не ждала. За нами прилетела бабушка. И, несмотря на то что по прилёте мама твёрдо сказала: «Билет был в один конец», теперь эти слова будто потеряли силу. Мы снова садились в самолёт, и я смотрела в окно уже без прежнего страха. Да, Москва не стала домом, но сейчас это перестало казаться концом света. Я была счастлива: мы

возвращались к себе, туда, где всё знакомо, где есть родные, где можно снова дышать спокойно. И пусть впереди ещё будут разговоры и объяснения, сейчас главное было одно — мы уезжали.

Глава 5

"Старая школа, новые раны"

И вот вроде бы всё должно было наладиться — мы прилетели домой. Сначала мы сняли квартиру прямо по соседству с моим дядей, и от этого становилось как-то спокойнее: будто рядом есть кто-то свой, кто не даст пропасть. Каждый вечер, когда я возвращалась из школы и расправлялась с уроками, мы с дядей садились играть в компьютер или смотрели фильмы.

В эти часы тоска немного отступала, и мир казался чуть добрее. Но стоило остаться одной, как на грудь снова ложилась тяжесть: я скучала по бабушке так, что даже дышать становилось тяжело. Я ведь не была виновата в том, что в семье всё так сломалось.

А потом до меня доходили обрывки разговоров, и от них становилось только горше. Бабушка в итоге развелась с бабушкой и продала всё, что он строил годами, — и магазин, и тот самый дом, баню и летнюю кухню. Говорили, что за бесценок, и мне казалось, что это не просто неудачная сделка, а будто кто-то специально стирал из жизни бабушкину историю. И как-то особенно несправедливым выглядело то, что следом мама купила двухкомнатную квартиру — пусть и в захолустье, пусть и не в самом лучшем районе, — а бабушка тоже взяла двушку, но уже в районе аэропорта. Словно всё вокруг быстро расставили по новым полкам, а меня забыли спросить, куда положить моё «я скучаю».

Мы переехали со съёмного жилья в эту двухкомнатную квартиру — холодную, с печным отоплением, от которого пахло чем-то старым и горьким. Казалось, будто мы провалились в какое-то совковое поколение: скрипучие полы, окна, заклеенные по углам скотчем, и вечная борьба с сыростью. Рядом с домом стояла стройка, поначалу она не казалась злобещей — просто полуразрушенное двухэтажное здание с подвальным помещением, где ветер гудел, как чужой голос. Я даже думала, что со временем привыкну к этому пейзажу, что он станет просто фоном.

А потом пришёл ещё один удар — резкий, без предупреждения. Мама поставила меня перед фактом: она нашла мужчину и уходит жить к нему. «Не переживай, — сказала она, будто это могло всё исправить, — с тобой будут бабушка и дядя». Я застыла, переваривая эти слова. От мысли, что рядом будет дядя, внутри что-то тихо обрадовалось — с ним хотя бы можно было выдохнуть. Но бабушка. С ней было не просто тяжело — рядом с ней воздух будто становился гуще, каждый вздох давался с трудом. Жить под одной крышей с этим человеком казалось испытанием похлеще школьных коридоров, где каждый взгляд был колючим, а каждое слово — как брошенный камень.

И вот я стояла посреди этой холодной комнаты, смотрела на голые стены и думала: сколько ещё раз жизнь будет переставлять мебель в моей судьбе, не спрашивая, куда мне хочется поставить самое хрупкое — моё спокойствие?

Со временем в квартире сделали ремонт — стены покрыли красивыми обоями, на пол постелили ДСП, выровняли, окна заменили на пластиковые. Но сырость никуда не ушла: она пряталась в углах, проступала белёсым налётом по утрам и цеплялась к одежде, будто дом не хотел расставаться со своей старой, тяжёлой историей. Дом и правда был аварийным — это чувствовалось в каждом скрипе половиц, в том, как дрожали стёкла, когда мимо проезжал грузовик, в едва заметных трещинах, которые тянулись по стенам, словно молчаливые шрамы. В один из дней я пришла со школы, усталая и злая после очередного коридора, где кто-то нарочно задел меня плечом, а в квартире было непривычно тихо. Потом из душевой вышла мама — с полотенцем на плечах, с мокрыми волосами, и сказала будничным тоном, от которого внутри всё сжалось: «Нам нужно поговорить». Она задала один-единственный вопрос, будто проверяя, выдержит ли он вес всей моей жизни: «Тебе нравится человек, с которым я живу? И нормально ли будет, если мы переедем и будем жить вместе с тобой?» Она смотрела на меня так, будто от моего ответа зависело что-то очень важное, а я стояла и не знала, что сказать. Дядя переедет к себе, бабушка — к себе, а я останусь здесь, в этой холодной квартире, но уже не одна, а с очередным «почти отчимом», который решит, что теперь он имеет право что-то

мне советовать. Я мысленно хмыкнула: очередной псевдо отчим, очередная попытка собрать семью из чужих друг другу людей. И вдруг поняла, что готова согласиться на что угодно — хоть на незнакомца в соседней комнате, хоть на вечные споры за ужином, — лишь бы не жить с бабушкой. Надоело каждый вечер выслушивать её нравоучения: с кем я должна дружить, как себя вести, что у мужчины обязательно должна быть квартира, а лучше ещё и машина. Эти фразы звучали как заезженная пластинка, царапая и без того истерзанную душу. — Ну, если тебе с ним хорошо — пробормотала я, глядя куда-то в сторону, на ту самую трещину над дверью, которая с каждым днём становилась чуть длиннее. Мама выдохнула, будто только сейчас позволила себе поверить, что всё может получиться. А я стояла и думала: сколько ещё раз мне придётся кивать, соглашаясь на перемены, которые никто не спрашивает, хочу ли я их на самом деле?

Всё поднадоело. Каждый день сливался в один бесконечный серый коридор, где любое движение давалось с трудом. С бабушкой мне общаться не разрешали, и от этой несправедливости внутри всё сжималось до острой колючей боли: я ведь ничего не сделала, просто хотела слышать его голос, слушать, как он рассказывает про магазин, про старые времена, про то, что «всё наладится». Но даже это у меня забрали. В школе каждый день был испытанием. Стоило только войти в двери, как воздух будто становился тяжелее. Насмешки из-за фамилии сыпались, как мелкие камешки, — бессмысленные, злые, и от них не было спасения. «Ну в чём я виновата?» — крутилось в голове, но никто не собирался этого слышать. А ещё веснушки. Для кого-то это просто пятнышки на коже, а для них — повод хихикнуть, переглянуться, ткнуть пальцем. И вишенка на торте — проблемы с кожей. Прыщи появлялись от нервов, а я, сама того не замечая, от постоянного напряжения расчёсывала их до болячек, и становилось только хуже. Каждый взгляд в зеркало будто добавлял ещё одну невидимую трещину.

Я старалась держаться ровно, не показывать, как внутри всё дрожит. В такие моменты особенно хотелось просто оказаться рядом с дядей, сесть за компьютер, уйти в игру, где нет ни насмешек, ни нравоучений, ни тяжёлых разговоров. Но стоило выйти из этого маленького укрытия — и реальность снова наваливалась всей своей тяжестью. А самое страшное было в том, что, оглядываясь по сторонам, я чувствовала: весь этот ужас — ещё не конец. Он только начинался.

Глава 6

«Тайные встречи»

Тот день начинался так, будто кто-то специально вылил на мир самое яркое солнце. Тёплый ветер, запах дыма от углей, смех, разговоры — всё было таким обычным, таким живым, что казалось, будто все беды остались где-то в другой реальности. Мы выбрались на природу, жарили шашлыки.

У моего дяди была девушка, а у неё — сестра, с которой встречался мой второй дядя. Вся эта путаница родственных связей в тот день почему-то казалась мне чем-то правильным: будто мы всё-таки семья, пусть и собранная из разных кусочков. И вот среди этого обычного летнего счастья девушка дяди вдруг наклонилась ко мне и тихо спросила:

— *Хочешь поговорить с дедушкой?*

Я просто обалдела. На секунду даже перестала дышать.

— *Конечно, хочу! — выпалила я, и голос мой дрожал от радости.*

Она протянула мне телефон, и в этом жесте было столько тепла, что хотелось плакать прямо там, у мангала, под взглядами всех остальных, которые даже не понимали, что для меня это не просто звонок, а целая вселенная, которую мне наконец-то вернули.

Мы с дедушкой говорили долго. Рассказывали друг другу всё подряд: про мелочи, про то, что накопилось, про то, как каждый день тянулся без другого. И плакали. Не стыдись, не пряча лица. Просто потому, что столько всего наболело. В тот момент я была благодарна этой девушке так, как, наверное, не благодарила никого в жизни.

Потом дедушка стал помогать по-своему: дарил мне телефон, привозил вещи, передавал деньги на одежду. Дядя прикрывал: говорил маме, что это он мне покупает. А моя подруга Она вообще стала моим щитом. Согласилась говорить, что вещи и телефон — от неё. Я до сих пор помню, как она просто пожала плечами и сказала: «Да ладно, не парься. Всё будет нормально». И от этого простого «не парься» становилось чуть легче дышать. Мы так и жили: тайные звонки, спрятанные подарки, разговоры шёпотом, будто сами слова могли нас выдать. И я цеплялась за это, как за спасательный круг.

А потом пришёл тот самый нож в спину. Человек, которому я доверяла как себе, всё рассказал. Я просила: «Ни за что не говори маме». Но он сказал. Или не удержался, или не понял, насколько это для меня важно — теперь уже не имело значения. Мама позвала меня на кухню. Там уже сидели она и отчим. Их позы были напряжёнными, лица — жёсткими. И этот вопрос, брошенный, как камень:

— С каким это дедом ты там общаешься?

В ту секунду в голове мелькнуло только одно: нужно защищаться. И я выпалила первое, что пришло в голову, глядя прямо перед собой с такой уверенностью, будто сама верила в свои слова:

— С дедушкой по отцовской линии.

Мама знала, что я искала отца и нашла его. И эта ложь повисла в воздухе, тяжёлая и горькая, но она хотя бы давала мне крошечную отсрочку. Снова начались запреты. Ко мне стали относиться настороженно, будто я теперь не дочь, а кто-то подозрительный, опасный. Телефон отобрали. А бабушка вообще заговорила про милицию, про статью «разращение малолетних», про то, что заявит на дедушку. И ещё — про психоневрологический диспансер. Мол, я невменяемая, со мной что-то не так.

Меня повели к врачам. Я пыталась всё объяснить, говорила быстро, сбивчиво, отчаянно, потому что понимала: если они мне не поверят, меня просто запрут там, где я окончательно потеряю связь с дедушкой. А врачи? Они просто переглянулись, и один из них спокойно сказал:

— Тут ещё посмотреть нужно, кого лечить надо.

И в этих словах было столько тихой справедливости, что у меня внутри что-то чуть-чуть выпрямилось. Не победа, нет. Но хотя бы не полное поражение. Я вышла оттуда, сжимая кулаки, и пообещала себе: я не сдамся. Даже если придётся снова прятать звонки, снова придумывать легенды и снова благодарить тех, кто помогает мне оставаться собой.

Глава 7

«Чужая дочь в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.